

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

kriyfed@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СПИРТНОГО НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАРЕЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Винная монополия, существовавшая в Российской империи на рубеже XIX–XX веков, остается важным объектом исследования для отечественной исторической науки. Алкогольный вопрос в определенные исторические периоды значительно влиял на определение вектора развития внутренней политики страны. Очевидна актуальность этой проблемы и в современной России. Роли винной монополии в формировании социально-экономического климата посвящено большое число работ, в которых проблема анализируется как в общероссийском, так и региональном масштабе. На материалах Карелии эта тема рассматривается впервые, что определяет ее новизну. Проанализированные опубликованные статистические материалы, архивные данные и сведения из периодической печати свидетельствуют о планомерном увеличении поставок казенных спиртных напитков в регион перед Первой мировой войной. В этот же период зафиксирован рост потребления алкоголя сельским населением Карелии. Негативные социально-экономические последствия этих тенденций заключались в потере крестьянским бюджетом значительных сумм. На конкретных примерах продемонстрировано, насколько пагубно этот отток финансов влиял на развитие крестьянского хозяйства. Кроме того, изучено негативное влияние роста потребления спиртного на моральный облик деревни. Однако наряду с отрицательными факторами была установлена и определенная экономическая выгода от алкоголя для крестьян пограничных волостей Олонецкой губернии, которая заключалась в контрабандных поставках спиртного в Финляндию.

Ключевые слова: винная монополия, Карелия, Олонецкая губерния, Выборгская губерния, контрабанда, алкоголь, крестьянство, благосостояние

Для цитирования: Кривоноженко А. Ф. Влияние спиртного на социально-экономическое положение карельских крестьян накануне Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.415

ВВЕДЕНИЕ

История алкогольного вопроса в России традиционно является одной из тем, к которым привлекают внимание как ученого сообщества, так и широких общественных кругов. Не будет преувеличением сказать, что особое место в научных исследованиях и общественных дискуссиях в рамках истории алкогольной проблемы занимает винная монополия, являвшаяся важным механизмом в системе организации государственного бюджета России периода поздней империи.

Целью данной статьи является изучение влияния алкоголя на социально-экономическую жизнь населения Карелии накануне Первой мировой войны. Хронологические рамки исследования – 1911 – первая половина 1914 года, то есть период острой общественной дискуссии вокруг целесообразности винной монополии. Географические рамки исследования ограничены Пудожским, Олонецким, Петрозаводским и Повенецким уездами Олонецкой губернии, Кемским уездом Архангельской губернии, а также Выборгской губернией Финляндии.

Заметная роль питейного вопроса в формировании внутриполитической повестки дня в России на рубеже XIX–XX веков обуславливает актуальность этой темы для отечественной исторической науки. Подготовлено большое число научных работ, посвященных изучению алкогольного вопроса в начале XX века как в масштабе страны, так и на уровне отдельных регионов [1], [4], [5], [8], [10]. На материалах Карелии этим вопросом занимались И. Р. Такала [9], М. В. Пулькин [7] и А. Ф. Кривоноженко [3].

Исследование основано на анализе комплекса неопубликованных и опубликованных источников. К первым относятся документы из Национального архива Республики Карелия, которые были выявлены в Ф. 1 (Канцелярия Олонецкого губернатора) и Ф. 27 (Олонецкий губернский статистический комитет). Если первый из приведенных фондов представлен циркулярами губернатора, перепиской, рапортами уездных исправников и земских начальников, то во втором содержится многочисленная статистическая информация, отражающая текущее социально-

экономическое положение на местах. В качестве опубликованных источников в исследовании были использованы выпуски журналов «Вестник Олонецкого губернского земства» и «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». На их страницах печатались как делопроизводственные документы, отражающие деятельность губернского и уездных земств, так и дискуссии вокруг питейного вопроса. Значительный массив выявленной и использованной в исследовании информации содержится в многочисленных статистических ежегодниках, посвященных описанию Олонецкой и Архангельской губерний, а также Великого княжества Финляндского. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют применить историко-генетический и историко-сравнительный методы исследований.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛКОГОЛЬНОГО ВОПРОСА В КАРЕЛИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Предвоенные годы в России проходили под знаком борьбы с пьянством. Острой эта проблема была и для Карелии. Олонецкое земство с тревогой констатировало существенное ухудшение социального и морального климата в деревне под влиянием «вина». В частности, пьянство рассматривалось в качестве одной из причин роста преступности среди крестьянства в губернии¹. В земской печати накануне Первой мировой войны постоянно появляются материалы, рассказывающие о массовых пьяных драках со смертельными исходами и тяжкимиувечьями, которыми регулярно заканчивались деревенские праздники. Количество преступлений в 1902–1906 годах оказалось на 19 % больше, чем в предыдущем пятилетии. В 1907–1911 годах этот рост оказался еще более внушительным – на 97 % по сравнению с предыдущим периодом². Связь между увеличением количества тяжких преступлений в Олонецкой губернии и пьянством отмечается и другими современными историками. Так, М. В. Пулькин пишет, что большая часть убийств совершалась в состоянии алкогольного опьянения [7].

Материалы по Архангельской губернии также красноречиво свидетельствуют о пьянстве как одном из основных катализаторов роста преступности. К концу 1900-х годов количество преступлений (подлежащих рассмотрению общими судами), совершенных здесь в состоянии опьянения, было выше общероссийского показателя почти в 4 раза по мужчинам и в 5,5 раза по женщинам. Данные по преступлениям, которые находились на рассмотрении в мировых судах, дают сопоставимые сведения: в Архангельской губернии³ преступник был в состоянии опьянения в 2 раза чаще, чем в среднем по России. Та же

тенденция наблюдалась и в отношении женской преступности⁴.

Рост пьянства обсуждался не только на уровне местного самоуправления. Губернатор М. И. Зубовский уже через несколько месяцев после вступления в должность писал в начале ноября 1913 года управляющему акцизовыми сборами по Новгородской и Олонецкой губерниям:

«На каждом шагу у нас (в Олонецкой губернии. – А. К.) в городах и сельских местностях встречаются люди, пропивающие совесть, здоровье и материальное свое благосостояние, а в результате, по общим отзывам и официальным данным, население губернии заметно хиреет, растет нищета и накапляются недоимки»⁵.

Между тем в отношении алкогольной политики правительства складывалась парадоксальная ситуация, характерная, впрочем, для всей страны. С одной стороны, губернатор, представлявший государственную власть, был серьезно озабочен негативными последствиями, которые оказывало пьянство на социально-экономическое положение в губернии. С другой стороны, государство, обладая винной монополией, многое делало для того, чтобы население могло удовлетворить свою потребность в алкоголе. Формально сложившаяся противоречивую ситуацию можно объяснить тем, что губернатор М. И. Зубовский выполнял свои обязанности в рамках системы МВД, а винная монополия находилась в ведомстве Министерства финансов. Имеющиеся статистические данные на примере Карелии красноречиво говорят о заинтересованности государства в повышении доходов от акцизных сборов с продажи алкоголя и винной монополии. В 1910 году эта статья составляла 45,3 % от всех государственных сборов по Олонецкой губернии⁶. В Карелии не существовало винокуренных заводов, поэтому спирт и вино завозились в регион с дальнейшим хранением в нескольких казенных винных складах. В 1911 году петрозаводскому винному складу было поставлено, в пересчете на водку, 62 688,7 ведра⁷, в 1912 году – 82 063,2 ведра, а в 1913 году – 120 911,9 ведра. Таким образом, объем поставок государством водки только в один казенный винный склад губернии увеличился за два года почти в 2 раза. С некоторыми колебаниями объемов, но также с итоговым ростом в 48 % за 2 года осуществлялись поставки в петрозаводский склад виноградных вин: 438 ведер в 1911 году, 354 ведра в 1912 и 837 ведер в 1913 году. В то же время обнаруживается тенденция к снижению объемов производства пива в Олонецкой губернии: если в 1911 году на двух негосударственных заводах в Петрозаводске и Каргополе было приготовлено 188 000 ведер этого напитка, то в 1912 году объем производства резко упал до 52 978 ведер. Статистика 1913 года несколько изменилась в большую сторону – 65 832,5 ведра (809 674 литра), но

поднялась она, очевидно, лишь за счет открытия еще одного частного пивоваренного завода⁸. Для сравнения: в соседней Выборгской губернии в 1913 году действовало 9 пивоваренных заводов, на которых было произведено 4 324 927 литров пива⁹. Таким образом, если на одного жителя этой части Финляндии в 1913 году приходилось 8 литра пива, то на одного олончанина – только 0,14 литра¹⁰. В публицистике начала прошлого века можно было встретить мнение о том, что падение объемов производства пива было связано с недобросовестной конкуренцией со стороны государства, стремившегося ориентировать предпочтения населения на казенные винные лавки для извлечения большей прибыли от питейной монополии¹¹.

За увеличением поставок спиртного в казенные винные склады Карелии рос и объем алкоголя, приходящегося на одного жителя региона в год. Так, в четырех уездах Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии в 1912 году было продано 142 622,5 ведра водки¹² при населении на этих территориях 277 115 человек¹³. Таким образом, на одного человека в 1912 году приходилось 0,51 ведра водки (6,32 литра).

В 1913 году произошло увеличение потребления водки во всех уездах и уездных городах Олонецкой губернии. Если в Петрозаводске этот рост составил 4,17 %, то в Олонецком уезде – 15,6 %. Мы не располагаем прямыми сведениями о количестве потребленного населением Кемского уезда алкоголя в 1913 году. По косвенным данным, здесь этот показатель ненамного понизился (на 0,29 литра) по сравнению с предыдущим годом¹⁴. Однако общее количество казенной водки, потребленной всем населением Карелии в 1913 году, повысилось по сравнению с предыдущим годом на 7,7 % до 154 509,6 ведра, или 0,54 ведра (6,73 литра) на человека в год. Несмотря на рост потребления водки в крае, на общероссийском фоне карельские показатели выглядели все еще обнадеживающими. В то время низким уровнем потребления водки на душу населения считался показатель до 0,51 ведра на человека в год, то есть рубеж, которого Карелия достигла в 1912 году¹⁵.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЬЯНСТВА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

На севере Петрозаводского уезда находился крупный волостной центр – село Тивдия, где преобладало карельское население. В нем действовала казенная винная лавка № 94. Только за один год работы в этой лавке крестьянами Тивдии и еще 7 окрестных деревень покупалось «вина» на сумму 7–8 тысяч рублей. Для сравнения: такие же деньги закладывались в бюджете Петрозаводского уездного земства в 1913 году для содержания полотна всех дорог уезда¹⁶. На эти же деньги можно было построить

4 больницы для волостных центров¹⁷. Значительные суммы, которые оставлялись крестьянами в «казенке», гипотетически могли послужить первоначальным капиталом, на отсутствие которого крестьяне указывали, отвечая на упреки земства в нежелании вводить более рациональные формы хозяйствования¹⁸.

При демонстрации экономических потерь от злоупотребления водкой местная печать накануне Первой мировой войны для наглядности часто публиковала таблицу, которая давала представление о суммах, утекавших из бюджета крестьянской семьи. Если бы человек вместо потраченных каждый день 5 коп. на водку вкладывал их в сберегательную кассу под 4 %, за год он накопил бы 18 руб. 25 коп.¹⁹ В случае если воздерживаться от выпивки на 25 коп. в день, то за год на счете окажется 91 руб. 25 коп. Для сравнения приведем предвоенные цены на домашний скот по Олонецкой губернии. В зависимости от уезда корова или бык стоили от 15 до 50 руб., но в случае неурожая они могли продаваться еще дешевле. Стоимость лошади варьировалась от 30 до 85 руб., а одну овцу можно было купить за 1–3,5 руб.²⁰ Таким образом, в год, в зависимости от уровня потребления, на алкоголе крестьянин потенциально мог сэкономить сумму, эквивалентную стоимости 2–3 коров, лошади или нескольких овец. Зачастую пропивались более крупные суммы, что особенно часто происходило на сельских ярмарках или престольных праздниках. Характерно описание на страницах местной печати пасхальных праздников в населенной русскими д. Сенная губа Петрозаводского уезда. Народные гуляния там начинались с пивной лавки, где крестьянин, чтобы захмелеть, выпивал не менее 6–8 бутылок, заплатив за них не менее 80 коп., а затем переходил к более крепким напиткам. Праздник завершился через 3 дня массового употребления. Попытка составить после этого приговор о закрытии пивной лавки закончилась тем, что один из крестьян предложил «для последнего дня выпить и закусить, а потом приговор писать». Финал оказался предсказуемым: «Деньги пропиты, дома, кроме черного хлеба, и нет ничего»²¹.

Пьянство в карельской деревне провоцировало еще одно крайне негативное явление, которое закладывало потенциальные долгосрочные проблемы для будущих поколений. Речь идет о варварском истреблении крестьянами леса. Эпоха Великих реформ коснулась и государственной деревни. Одним из результатов произошедших изменений стало отделение крестьянского общинного землевладения от казенных земель. При этом в крестьянский надел включались не только земли сельскохозяйственного назначения, но и значительные лесные массивы. Первоначально их использование было жестко регламентировано, но к началу XX века крестьяне получили

возможность осуществлять практически ничем не ограниченные вырубки леса в своих наделах и продавать его на рынок. Деревня узнала вкус легких и быстрых денег, при этом ценность леса, находящегося в общем пользовании сразу нескольких селений (90 % олонецких деревень получили групповые владенные записи [2: 247]), в крестьянском сознании была крайне низкой²². По свидетельству современников, вопрос о продаже леса для покупки алкоголя поднимался зачастую без учета мнения трезвенников, находившихся на полевых работах. С формальной точки зрения нарушений не было: решение принималось на сходе большинством. В одной из деревень часть крестьянского леса была продана за 3 руб. с предварительным условием, что вырученные деньги пойдут на покупку алкоголя²³. О реальной рыночной стоимости проданной древесины и убытках, которые понесла эта деревня, остается только догадываться.

«ВИНО» И ГРАНИЦА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ КОНТРАБАНДЫ АЛКОГОЛЯ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЛОСТЕЙ

Между жителями карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний и населением восточной части Великого княжества Финляндского существовали прочные экономические, культурные и семейные связи. В силу целого ряда причин эти связи были более отчетливо выражены в Северной Карелии, мужское население которой традиционно занималось разносной торговлей в различных частях Финляндии. Население западных волостей Петрозаводского, Олонецкого и особенно Повенецкого уезда Олонецкой губернии также экономически тяготело к Великому княжеству. Эти связи подкреплялись и тем, что по другую сторону границы, в восточных общинах Выборгской губернии, проживали православные карелы.

Переписка между канцеляриями финляндского генерал-губернатора и олонецкого губернатора свидетельствует о существовании в предвоенные годы налаженной схемы перепродажи карельскими крестьянами алкоголя из казенных винных лавок населению Великого княжества. С точки зрения властей автономии, тайный ввоз алкоголя из Олонецкой губернии являлся контрабандой, поскольку за ввезенный товар не платились пошлины. Поступления в бюджет Финляндии от таможенных сборов за ввозимую алкогольную продукцию увеличились в период с 1908 по 1913 год почти в 1,5 раза и составили 5 145 000 марок²⁴, то есть около 3 % от всех доходных статей бюджета Великого княжества в 1913 году²⁵. Кроме того, покупка контрабандного алкоголя финскими крестьянами приводила к бюджетным потерям от недопоступления части косвенных налогов.

Заинтересованность карельских крестьян в тайной перепродаже алкоголя в Финляндию накануне Первой мировой войны объясняется еще одним фактором. Видимо, в предвоенные годы в Выборгской губернии существовал особый спрос на этот товар, поскольку, судя по опубликованным источникам, в 1912, 1913 и 1914 годах в этой части Финляндии не действовало ни одного винокуренного завода²⁶. Из документов следует, что задержанные нарушители были крестьянами различных деревень Олонецкого уезда: Валайла, Гиттойла, Кавайно (последняя находилась в нескольких сотнях метров от финляндской границы). Среди нарушителей были как мужчины, так и женщины²⁷. Так, крестьянка из д. Кавайно Т. И. Крикку была задержана на другой стороне границы с 1,5 литра водки и 4,7 литра спирта²⁸. Крестьяне из Рыпушкальской волости Н. Минин и Е. Ефстратьев пытались продать в д. Ряймяля Выборгской губернии не только солому, но и 1,2 литра спирта²⁹. Во всех указанных населенных пунктах карельское население составляло абсолютное большинство. Судя по протоколам задержаний, таможенные власти Великого княжества оценивали конфискованную водку в 2 марки за литр³⁰. В пересчете на российские деньги эта сумма составляла 74 копейки. Задержанные на финляндской стороне олонецкие крестьяне высыпались домой, но через некоторое время, по запросу финляндской стороны, нарушители сопровождались становым приставом до пограничной заставы в Виртеля, откуда они доставлялись на суд в г. Сортавала³¹.

Значительное число выявленных случаев, во-первых, свидетельствует о популярности этого вида дополнительного, но незаконного заработка в среде карельских крестьян, а во-вторых, говорит о достаточно значимой экономической выгоде, перспектива которой превалировала над рисками задержания на финляндской стороне. Для достижения такой прибыли необходимо было удачное сочетание трех факторов: близость деревни к границе, наличие путей сообщения с населенными пунктами Великого княжества и наличие в округе казенной винной лавки. Помимо Олонецкого уезда, другим «удачным» сочетанием этих факторов могли похвастаться крестьяне из д. Поросозero³². Необходимо отметить, что жители западной части Повенецкого уезда, где находилась эта деревня, к началу XX века вообще максимально были ориентированы на Финляндию во многих отношениях. Абсолютное большинство населения здесь составляли карелы. Контрабанда алкоголя была лишь частью обширной, хорошо налаженной сети этих экономических связей. Крестьяне Поросозерской волости продавали казенный спирт по 2–3 руб. за бутылку в восточной Финляндии, где он пользовался популярностью и в шутку назывался «поросозерским сигом»³³. Приведенная стоимость

1 литра конфискованной водки в Финляндии относится к 1911 году. Мы не располагаем сведениями о том, сколько стоил алкоголь в казенных винных лавках Карелии в это время. В январе 1913 года в Олонце «хлебное вино» стоило 8 р. 40 коп. за ведро, то есть 68 коп. за литр. На протяжении всего 1913 года эта цена не менялась³⁴. С большой долей вероятности можно полагать, что эти расценки существенно не поменялись за 2 года, поскольку экономика страны в этот период характеризовалась устойчивым ростом. Таким образом, учитывая официальную стоимость конфискованной в Финляндии водки и ее цену в Олонецком уезде, карельские крестьяне могли заработать минимум 6 копеек за каждый литр контрабандного «вина». Эта сумма сопоставима со стоимостью килограмма ржаной муки в Олонецком уезде по ценам на январь 1913 года, то есть в сезон, когда стоимость на этот продукт была максимальной³⁵.

Экономическую выгоду от незаконного перевоза через таможенную границу российского алкоголя получали не только карельские крестьяне. Эти же цели преследовали некоторые подданные Великого княжества. Помимо сухопутного пути, контрабанда алкогольных напитков была налажена через Ладожское озеро. В этом случае злоумышленники были избавлены от необходимости проходить через пункт пограничной охраны между Пограничными Кондушами и Виртеля. Протокол задержания в устье р. Видлицы в октябре 1911 года финляндских уроженцев свидетельствует о размахе, с которым были наложены поставки российской казенной водки из Видлицы для продажи жителям Салминского уезда в Финляндии (отметим, что в обоих населенных пунктах проживало карельское население). В частности, в задержанной чинами пограничной стражи лодке было обнаружено 14,4 литра девяностоградусного спирта, 11,5 литра водки, 0,3 литра столового вина. Всего на сумму 236 руб. 76 коп.³⁶ Алкоголь был конфискован, а каждому из четырех контрабандистов был назначен штраф в очень серьезном размере – 236 руб. 85 коп.

В декабре этого же года чинами пограничной бригады был задержан другой уроженец Финляндии – М. М. Алвайта, у которого при обыске было обнаружено алкоголя на сумму 140 руб. Опрошенный в качестве свидетеля дежуривший в тот день на финляндской заставе в Виртеля местный житель А. Коргонен подтвердил, что задержанный является профессиональным контрабандистом, который перевозит алкоголь из России в Финляндию для продажи в д. Салми³⁷. Сам же М. Алвайта утверждал, что помогал довести алкоголь лишь до Пограничных Кондуш, не собираясь пересекать границу.

Помимо денежных штрафов финляндский суд приговаривал контрабандистов, перевозивших алкоголь из Олонецкой губернии в Финляндию, к заключению в Выборгской тюрьме. Несмотря

на такую перспективу, контрабанда российского алкоголя, очевидно не без лояльного отношения к этому населению приграничных местностей Финляндии, продолжала существовать. И губернским властям, и уездным земствам было хорошо известно о дополнительных заработках крестьян из пограничных местностей, получаемых от контрабанды алкоголя. Накануне Первой мировой войны, в разгар широкого общественного обсуждения мер по борьбе с алкоголизмом, земские деятели предлагали закрыть все винные лавки непосредственно рядом с финляндской границей с целью оградить местное население от «легкого, малоценнего заработка, который еще легче пропивается»³⁸. Осуществление этой меры автоматически потеряло смысл с началом войны и последовавшими кардинальными ограничениями в реализации алкогольной продукции в России. Тем не менее карелы с другой стороны финляндской границы продолжали фигурировать в протоколах олонецких уездных исправников в связи с незаконным оборотом алкоголя и в более позднее время. В разгар Первой мировой войны, когда в олонецкой деревне власти активно боролись с подпольным изготовлением алкоголя, «финляндцы» участвовали в схемах, направленных на тайную реализацию этой продукции. Значительные штрафы (200 руб. – за изготовление, 25 руб. – за сбыт и 10 руб. – за употребление крепкого пива) не останавливали жителей Финляндии от участия в этих группах³⁹.

Для карельских волостей Кемского уезда контрабандная торговля алкоголем также играла определенную роль в экономике местных крестьянских хозяйств. Оценить уровень ее развития сложнее, но можно выдвинуть предположение, что объем поставок «вина» в Финляндию из Беломорской Карелии был меньше, чем из Карелии Олонецкой. Прежде всего на первый план выходил фактор логистики. В Олонецком уезде «казенка» находилась всего в 16,5 версты (в Видлице) по хорошей дороге от границы с Финляндией. В Кемском уезде ситуация была иной. В одном из источников фигурирует информация о том, что карелы закупали водку в винной лавке в Сороке и под засоленной селедкой везли этот товар в Финляндию⁴⁰. Ближайшее удобное место для пересечения границы находилось в д. Минозеро⁴¹ – в нескольких сотнях верст от Сороки по пешеходным тропам и водным маршрутам.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В БОРЬБЕ С «ВИНОМ»

Руководство страны постепенно стало разделять доводы общественности о необходимости объявить борьбу с пьянством. Лишь весной 1914 года были предприняты первые, очень осторожные и общие меры по решению этой проблемы [4: 150]. До этого потребление населением алкоголя

регламентировалось лишь по особым поводам: во время призывных кампаний, крупных церковных государственных праздников [5: 80]. Не дожидалась реальных законодательных изменений, олонецкий губернатор М. И. Зубовский поддержал усилия местного земства и духовенства по искоренению народного пьянства уже осенью 1913 года. Предложенные им мероприятия условно можно разделить на два направления: борьбу в деревнях с подпольной торговлей водкой и поддержку крестьянской инициативы по закрытию мест продажи алкогольных напитков⁴². Для более эффективной борьбы с шинкарством предполагалось стимулировать низшие полицейские чины особыми премиями. Опора в этом деле на волостных старшин и сельских старост, по мнению М. И. Зубовского, была бесперспективна:

«...я должен сознаться, что питаю лишь слабую надежду на содействие сельских властей, ибо опыт доказывает, что эти должностные лица в деле преследования тайного кормчества совершенно не надежны и не проникнуты сознанием служебного долга»⁴³.

Обращает на себя внимание гендерный состав нарушителей, на которых были составлены протоколы осенью 1913 года о незаконной торговле (по сути – перепродаже) казенной водкой. В 78 % случаев продажа осуществлялась женщинами⁴⁴. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Архангельской губернии, где среднестатистический портрет шинкера выглядел следующим образом: женщина в возрасте, незамужняя или вдова, с маломощным хозяйством⁴⁵.

В целом необходимо констатировать, что действительно эффективные меры по борьбе с алкоголизмом в деревне были приняты на государственном уровне лишь с началом Первой мировой войны. Однако в силу обстоятельств

военного времени «сухой закон» уже не мог в полной мере благоприятно оказаться на уровне благосостояния сельского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изученные материалы позволяют сделать вывод о том, что накануне Первой мировой войны в Карелии заметно увеличились темпы потребления алкоголя на душу населения. Одну из главных ролей в этом играла заинтересованность государства: статистика фиксирует постоянное увеличение поставок казенного «вина» в регион. Значительные траты на алкоголь не только лишали крестьян денег на текущие расходы. Бюджет деревни терял средства, которые были так необходимы для перевода хозяйств на более рациональные основы. Тяга к алкоголю ставила под вопрос существование лесных наделов крестьян – по сути главной «подушки экономической безопасности» для них в начале XX века. Наконец, алкоголизация населения вела к ухудшению морального климата в деревне, росту преступности.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что, помимо явного негативного влияния от чрезмерного потребления алкоголя на население карельских деревень, был установлен по крайней мере один пример выгодного с экономической точки зрения использования «вина» местным населением. Крестьяне приграничных волостей занимались контрабандной торговлей алкоголем с населением восточных частей Финляндии. Власти по обе стороны границы относились к этому явлению ожидаемо негативно, но для населения и западных волостей Олонецкой Карелии, и жителей Великого княжества эта торговля носила взаимовыгодный характер.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Копяткевич В. А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие 1897–1911. Петрозаводск: Губернская типография, 1914. С. 21, 23.

² Там же. С. 17.

³ Приведенные сведения являются усредненными по всем уездам Архангельской губернии. Отдельную информацию о корреляции между пьянством и ростом преступности по Кемскому уезду обнаружить не удалось.

⁴ Статистик. Преступления и преступники Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 388.

⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117/55. Л. 5.

⁶ Дядиченко А. Государственные и земские доходы и расходы по Олонецкой губернии за последнее десятилетие (1901–1910) // ВОГЗ. 1912. № 5. С. 5.

⁷ Ведро – дореволюционная русская мера объема, равная 12,299 литра.

⁸ Обзор Олонецкой губернии за 1911 год. Петрозаводск: Губернская типография, 1912. С. 9; Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. Петрозаводск: Губернская типография, 1913. С. 21; Обзор Олонецкой губернии за 1913 год. С. 19.

⁹ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1916. С. 200.

¹⁰ Подсчитано на основе статистических данных по численности населения в Выборгской и Олонецкой губерниях в 1913 год. См.: Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1916. С. 15. Олонецкая губерния: Статистический справочник. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. С. 22.

- ¹¹ Шарапов С. Ф. Монополия и трезвость // Мирные речи. По-русски. Старое и новое: Три сб. 1900 года. 2-е изд. М., 1901. С. 212.
- ¹² Посчитано по: Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. С. 21–22; Обзор Архангельской губернии за 1912 год. Архангельск: Губернская типография, 1913. [С. 47–48].
- ¹³ Посчитано по: Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. С. 70–71; Обзор Архангельской губернии за 1912 год. [С. 53–54].
- ¹⁴ Посчитано по: Обзор Архангельской губернии за 1913 год. С. 220.
- ¹⁵ Коровин А. М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912-ый год. М.: Изд. доктора А. М. Коровина, 1916. С. 35.
- ¹⁶ Журналы Петрозаводского уездного земского собрания очередной и чрезвычайной сессий 1912 г. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1913. С. 28.
- ¹⁷ Там же. С. 46.
- ¹⁸ Сельский М. С какой стороны прийти на помощь крестьянину // ВОГЗ. 1912. № 20. С. 15–18.
- ¹⁹ Сколько стоит водка? // ВОГЗ. 1913. № 1. С. [II].
- ²⁰ НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 32/56; Широкий М. Кредитное товарищество в Туломозеро // ВОГЗ. 1913. № 15. С. 15.
- ²¹ Свой. Сенная губа Петрозаводского уезда // ВОГЗ. 1913. № 14. С. 10.
- ²² Ф. О. Из деревенских впечатлений // ВОГЗ. 1912. № 16. С. 14–15.
- ²³ И. Р. Надо остановить // ВОГЗ. 1912. № 16. С. 17.
- ²⁴ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1916. С. 206.
- ²⁵ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год одиннадцатый, 1913. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1914. С. 568.
- ²⁶ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год двенадцатый, 1914. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1915. С. 197; Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год одиннадцатый, 1913. С. 183; Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. С. 197.
- ²⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/10. Л. 14, 15, 20, 24.
- ²⁸ Там же. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Л. 23, 26.
- ³⁰ Подсчитано по: НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/10. Л. 18, 21.
- ³¹ Там же. Л. 12.
- ³² Л-ий С. А. Борьба за трезвость и земство // Вестник Олонецкого губернского земства. 1914. № 7. С. 5.
- ³³ Фесфитянов С. М. На границе Финляндии // ВОГЗ. 1911. № 14. С. 13.
- ³⁴ Посчитано по: НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 30/475.
- ³⁵ Там же. Л.
- ³⁶ НАРК. Ф. 1. Оп 1. Д. 111/2. Л. 132.
- ³⁷ Там же. Л. 208–208 об.
- ³⁸ Л-ий С. А. Борьба за трезвость и земство. С. 5.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/745. Л. 38–44.
- ⁴⁰ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия общества изучения Архангельской губернии. 1914. № 14. С. 435.
- ⁴¹ Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Леннрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. С. 437.
- ⁴² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117 / 55. Л. 7.
- ⁴³ Там же. Л. 91.
- ⁴⁴ Посчитано по: НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117/52. Л. 9–14, 20–21 об., 58.
- ⁴⁵ Статистик. Преступления и преступники Архангельской губернии. С. 390.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ефимов А. А. «Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 96–109. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.106
- История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
- Кривоноженко А. Ф. Алкогольная проблема в карельской деревне накануне и во время Первой мировой войны // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1050> (дата обращения 14.10.2019). DOI: 10.15393/j103.art.2018.1050
- Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного коллоквиума) / Под ред. Н. Н. Смирнова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 147–159.
- Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
- Пулькин М. В. «В тихом омуте...»: преступность в Олонецкой губернии (XIX – начале XX вв.) // Studia Humanitatis. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_11.pdf (дата обращения 09.09.2019). DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00004
- Пулькин М. В. Феномен пьянства в XIX – начале XX вв.: проблемы осмыслиения (по материалам Европейского Севера России) // Studia Humanitatis. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_5.pdf (дата обращения 09.07.2019). DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00001
- Розинская Н. А. Влияние «сухого» закона на благосостояние населения во время Первой мировой войны // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 31–36.
- Такала И. Р. Веселie Руси: история алкогольной проблемы в России. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 335 с.
- Шевченко И. А. Общественное движение и потребление алкоголя в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. 2014. № 12 (140). С. 224–230.

Поступила в редакцию 26.07.2019

Alexander F. Krivonozhenko, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
 (Petrozavodsk, Russian Federation)
 krivfed@yandex.ru

INFLUENCE OF ALCOHOL CONSUMPTION ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF KARELIAN PEASANTS ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR*

The alcohol monopoly which existed in the Russian Empire at the turn of the XX century remains an important object of research for Russian historical science. In certain historical periods, the alcohol issue significantly influenced the determination of the development vector of the country's domestic policy. The relevance of this problem in modern Russia is obvious. The role of the alcohol monopoly in the formation of the socio-economic climate has been the subject of a large number of works in which the problem has been analyzed both on a national and regional scale. Russian materials are used for studying this topic for the first time, which determines the research novelty. The analyzed published statistical materials, archival data and information from the periodical press indicate a systematic increase in the supply of officially-sold alcoholic beverages to the region before the First World War. At the same time, an increase in alcohol consumption by the rural population of Karelia was recorded. The negative socio-economic consequences of these trends included significant financial losses suffered by the peasants. Concrete examples demonstrate how detrimental the impact of this outflow of finances was on the development of the peasant households. In addition, the negative impact of increased alcohol consumption on the moral character of the village was studied. However, in addition to negative factors, the study established a certain economic benefit from alcohol consumption for the peasants of the border townships in the Olonets province, which resulted from smuggling alcohol to Finland.

Keywords: wine monopoly, Karelia, Olonets province, Vyborg province, smuggling, alcohol, peasantry, welfare

* The study was carried out as part of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences project No AAAA-A18-118030190093-9.

Cite this article as: Krivonozhenko A. F. Influence of alcohol consumption on the socio-economic situation of Karelian peasants on the eve of the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.415

REFERENCES

1. Efimov A. A. A "Semi-Dry" Law: the peculiarities of regulating alcohol merchandise in the palace towns Tsarskoye Selo, Gatchina and Peterhof during the First World War. *Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9. No 1. P. 96–109. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.106
2. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
3. Krivonozhenko A. F. Alcohol problem in Karelian villages before and during World War I. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018. Issue 3. Available at: <http://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1050> (accessed 14.10.2019). (In Russ.) DOI: 10.15393/j103.art.2018.1050
4. McKee A. Dry Law during World War I: reasons, conception and results of prohibition in Russia between 1914 and 1917. *Russia and World War I: (Proceedings of International Scientific Colloquium)*. St. Petersburg, 1999. P. 147–156. (In Russ.)
5. Pashkov E. V. The anti-alcohol campaign in Russia during the First World War. *Voprosy istorii*. 2010. No 10. P. 80–93. (In Russ.)
6. Pulkin M. V. "In silent bottom...": crime in the Olonets province (XIX – early XX centuries). *Studia Humanitatis*. 2019. No 2. Available at: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_11.pdf (accessed 09.09.2019). (In Russ.). DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00004
7. Pulkin M. V. The phenomenon of alcoholism in the XIX and the early XX centuries: problems of comprehension (using the materials of the European North of Russia). *Studia Humanitatis*. 2017. No 4. Available at: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_5.pdf (accessed 07.09.2019). (In Russ.) DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00001
8. Rozinskaya N. A. The impact of prohibition on the population welfare during the First World War. *Economic History*. 2014. No 3 (26). P. 31–36. (In Russ.)
9. Takala I. R. Mirth of Russia: the history of the alcohol problem in Russia. St. Petersburg, 2002. 335 p. (In Russ.)
10. Shevchenko I. A. Social movement and consumption of alcohol in Russia at the turn of the XX century. *Tambov University Review*. 2014. No 12 (140). P. 224–230. (In Russ.)

Received: 26 July, 2019